

В.И. Л Е Н И Н

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ЦК НА 1Х ВСЕРОССИЙСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ РКП/б/

22 сентября 1920 года.

118
2

ЧЛЕНУ КОМИТЕТА ПАРТИЙНОГО КОНТРОЛЯ
при ЦК КПСС

тов. ШАТУНОВСКОЙ О.Г.

Центральный партийный архив ИМЛ направляет по
Вашей просьбе машинописную копию стенограммы Политиче-
ского отчёта ЦК на IX Всероссийской конференции РКП/б/
от 22 сентября 1920 г.

Отчёт не публиковался.

Приложение: Упомянутое на 29 л.л.

Зам. зав. Центральным партархивом
Института марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

Лавров в/р. Лавров/

1173

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ЦК НА IX ВСЕРОССИЙСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ РКП(б)^{1/}

22 сентября 1920 года

ЛЕНИН. Товарищи, естественно, что центром тяжести доклада, который приходится делать в такой момент должна быть война с Польшей и все те пережитки, которые мы пережили за это время. Позвольте начать с того периода, когда эта война еще не стала фактом. Вы знаете, что перед польской войной мы отнеслись к вопросам с чрезвычайной осторожностью и предложили полякам, польской буржуазии самым торжественным образом, специально даже в манифест от имени ЦК, мир, на условиях в высшей степени невыгодных для нас рабочих и крестьян и для целого ряда народностей, которые были под игом польских помещиков и буржуазии. Мы предложили мир на основе линии Пилсудского, т.е. той линии, на которой поляки стояли до начала наступления 26 апреля текущего года, т.е. линии, по которой они получали всю Белоруссию и порядочный кусок Украины потому что они имели тогда Волынскую губернию, много хвостов от Ровно, которые они отбили теперь. На этой линии мы соглашались заключить мир, считая мирную хозяйственную работу, на которую мы перевели жизнь армии и жизнь десятков тысяч рабочих и крестьян, гораздо выше, чем возможность военными успехами освободить Белорусию и часть Украины или восточную Галицию. Здесь, в международном политическом и экономическом отношениях многократно подтверждалось и будет еще не раз подтверждено, что наша новая дипломатия совершенно необычная, невиданная в истории монархических и буржуазных государств, никоим образом не может быть еще понята в остальных

1/ Сохранены стиль, орфография и пунктуация оригинала.

странах, что когда большевики выступают с прямым заявлением, никто решительно ни в одном государстве не способен понять, что мы действительно ведем дипломатию на почве открытых заявлений и приемов особой дипломатии, т.е. если большевики говорят: мы готовы признать линию Пилсудского, то международная буржуазия рассуждает так, значит большевики непомерно слабы, т.к. уступка непомерно велика. Мы поддержали самый бешеный шовинизм польской буржуазии и помещиков, самый бешеный шовинизм во Франции и других империалистических странах, ибо там все полагали, что с точки зрения в обычной дипломатии такая вещь не возможна. Разве так делается в обычной дипломатии? Это есть слабость. Таким образом наступление было решено не только поляками, но и Францией, в силу того, что мы совершенно необычно сказали напрямик: ради того, чтобы избежать войны, мы готовы на уступки, а в переговорах, которые вел Мархлевский раньше, будучи формальным представителем Красного Креста в Польше, в этих переговорах такая линия, как предварительные условия мира была основной. Поэтому мы в силу прежних переговоров делали такие громадные уступки. Эти уступки были приняты, как наша слабость, и повели к войне. Вы помните начало войны, которая дала полякам успех, до завоевания Киева они владели по предварительным подсчетам территорией с населением до 4 миллионов. Вы помните, после этого успеха перегруппировка войск дала успех нам и наши войска, перейдя в наступление, быстро дошли до главной линии Польши. С этого момента начинается крупный переворот в истории польской войны, который на деле оказался поворотом мира. С этого нужно начать, чтобы выяснить дальнейшую историю и перейти к самому главному, что притягивает теперь внимание каждого партийного человека к самому злободневному вопросу, именно тому глубокому поражению, катастрофе

8.- 5
115

ческому поражению, которое мы потерпели в результате всего развития военных операций.

12-го июля, когда наши войска в непрерывном наступлении, пройдя уже громадное пространство, подходили к этнографической границе Польши, Английское правительство в лице Керзона, обратилось к нам с нотой, требующей, чтобы мы остановили наши войска на линии 50 верст от этнографической границы Польши на условиях заключения мира, на основе этой линии. Это была линия - Белосток, Брест-Литовск, далее по ней к нам переходила Восточная Галиция. Так что эта линия - она получила название линии Керзона - была нам очень выгодна. И вот тогда перед нами встал основной вопрос, ЦК должен был принять важнейшее решение, - и этот момент является исходным пунктом, к которому мне в моем докладе придется возвращаться, чтобы дать оценку решения важнейшего и основного вопроса. Перед нами стоял вопрос: принять ли это предложение, давшее нам выгодные границы, и таким образом встать на позицию, вообще говоря, чисто оборонительную, или же использовать тот подъем в нашей армии и перевес наших сил, который имелся, чтобы помочь советизации Польши? Это был коренной вопрос об оборонительной или наступательной войне и мы знали в ЦК, что это новый, принципиальный вопрос, что мы стоим и на переломном пункте всей политики Сов.Власти. До сих пор, ведя войну с Антантой, - мы, конечно, отнюдь не обманывались на тот счет, потому что мы великолепно знали, что за каждым частичным наступлением Колчака, Юденича и др. стоит Антанта, - мы сознавали, что ведем оборонительную войну и побеждаем Антанту, но что победить окончательно ее мы не можем, что она во много раз сильнее нас. И мы только старались использовать возможно шире щели образовывавшиеся между разными государст

4.- 6
114

вами Антанты, для того, чтобы во время оборониться. История с
Дденичем и Деникиным показала нечто невиданное, невероятное, с
точки зрения подсчета сил. Мы разбили их по частям. И умнейшие
всемирные политики, не только в Англии зарвавшейся с точки зре-
ния колониальной, не только в зарвавшейся Франции, заботящейся о
своих миллиардах, а там еще есть такие странные люди, которые
надеются на их возвращение, не только такие зарвавшиеся полити^и
ки, которые думают, что-либо захватить от России, не только крупные
политики, заинтересованные в России, но и не заинтересованные не-
посредственно, — все они оказались в состоянии распада: будучи во
сто раз сильнее нас, они не реализировали представлявшуюся им воз-
можность, потому что среди них не было единства. Они ни одного
шага не могли сделать, не могли решить простую задачу соединения
трех-четырех элементов, соединить, согласовать 3-4 могуществен-
ных державы, имея бесконечный перевес в сравнении с нами, не толь-
ко в смысле финансов, но и в смысле находящегося в их распоряже-
нии флота и в других. У нас не было ничего, а они не могли объеди-
ниться даже в финансовом отношении. И это давало нам выигрыш.
Это было в то время, когда вся буржуазия кипела бешенством и
ненавистью против большевизма, — а оказалось, что мы сильнее их.
Они пускали на нас неприятеля по частям, и крича о том, что они
не желают возвращения царя не могли помешать чисто монархической
политике Дденича и Деникина, и таким образом, отталкивали от себя
те элементы, которые могли идти за ними, — кулацкие, кулацкие
элементы. И вот значит в результате всего этого получилось то,
что у нас созрело убеждение, что военное наступление Антанты про-
тив нас закончено, оборонительная война с империализмом кончилась,
мы ее выиграли. Польша была ставкой. И Польша думала, что она, как

держава с империалистскими тенденциями, в состоянии изменить характер войны. Значит, оценка была такова: период оборонительной войны кончился. С другой стороны, наступление показывало нам, что при бессилии Антанты военным путем задавить нас, при бессилии ее действовать своими солдатами, она может только толкать на нас отдельные маленькие государства, слабые, как военная сила и удерживающие у себя помещичье-буржуазный порядок, только ценой тех мер насилия и террора, которые им предоставляет Антанта. Нет сомнения, что тот меньшевистско-демократический капитализм, который держится еще во всех пограничных с Россией государствах, образованных из частей бывшей Российской империи, начиная с Эстонии, Грузии и т.д., он держится при помощи Антанты. Она дает пушки, солдат, обмундирование, деньги, чтобы держать в подчинении рабочих. Перед нами встала новая задача: оборонительный период войны со всемирным империализмом кончился, и мы можем и должны использовать военное положение для начала войны наступательной. Мы победили поляков, когда они на нас наступали, мы будем пробовать теперь на них наступать, чтобы помочь советизации Польши. Мы поможем советизации Литвы и Польши, — так говорилось в нашей резолюции, когда эта резолюция выносилась в Центральном Комитете, у нас не было недостатка в понимании несколько неуклюжего характера этой резолюции в том смысле, что против нее как будто нельзя голосовать. В самом деле, как можно голосовать против помощи советизации? Если же мы сравним наше отношение к Польше с нашим отношением к Грузии и Латвии, то разница станет совершенно ясна, ведь мы не принимали резолюции, что военным путем поможем советизации Грузии или Эстонии. Мы принимали резолюцию противоположного характера, что не помогаем. На этой почве у нас был ряд

конфликтов с революционерами и коммунистами этих стран. Они держали даже против нас полные горечи речи, говоря: как можете вы заключать мир с белогвардейскими латышскими палачами, которые подвергли виселице и пытке лучших латышских товарищей, проливавших кровь за советскую Россию? Эти речи мы слышали и от грузин, но тем не менее не помогали советизации Грузии и Латвии. И сейчас этого сделать мы не можем; нам не до того. Спасение и укрепление республики является все подавляющей нашей задачей. По отношению к Польше мы изменили эту политику. Мы решили использовать наши военные силы, чтобы помочь советизации Польши. Отсюда вытекала и дальнейшая общая политика. Мы формулировали это не в официальной резолюции, записанной в протоколе ЦК и представляющей собой закон для партии до нового съезда, но между собой мы говорили, что мы должны штыками пощупать: не созрела ли социальная революция пролетариата в Польше? И здесь мы ставили практически вопрос, который как оказалось, теоретически не вполне ясен для лучших коммунистических элементов международного товарищества, то есть Коммунистического Интернационала. Когда в июле в Москве происходил съезд III Коминтерна, — это было как раз то время, когда мы решали в ЦК этот вопрос. Поставить этот вопрос на съезде Коминтерна мы не могли, потому что этот съезд должен был происходить открыто, — в этом было его громадное, революционное, общеполитическое мировое значение, которое еще скажется во много раз больше, чем до сих пор. На съезде этом были такие элементы, например, немецкие независимцы, — которые теперь повели самую поганую кампанию против Советской власти. Выкинуть их в то время было нельзя. Нужно было показать перед Всемирной коммунистической партией, что мы не хотим их пустить в наши ряды. Таким образом на съезде Коммунистического Интернационала мы должны были говорить открыто.

Поэтому вопрос о перемене нашей политики сознательно не затрагивался на Конгрессе. Вопрос о переходе к наступлению против союзников Антанты не мог быть там поставлен на очередь, потому что в странах Антанты была не та стадия против развития революционного движения, при которой можно бы было ставить этот вопрос на обсуждение. Мы должны были терпеть. В I "Роте-Фане" и мн. другие не могут и мысли допустить, что мы своей рукой поможем советизации Польши. Люди эти считают себя коммунистами, но некоторые из них остаются националистами и пацифистами. Конечно, коммунисты, которые пережили больше, — к таковым относятся финляндские товарищи, — у них и тени не осталось от подобных предрассудков. Говорю не оставили, потому что они пережили длинный период гражданской войны. Когда у меня была английская рабочая делегация, и я говорил с ней, что всякий порядочный английский рабочий должен желать поражения английского правительства. Эти члены делегации даже совершенно не поняли меня. Они состроили такие лица, которые, я думаю, не может схватить даже самая лучшая фотография. В их головы совершенно не вмещалась та истина, что в интересах международной революции, английские рабочие должны желать поражения своего правительства.

Те факты, что в Польше хорошо развито пролетарское население и лучше воспитан сельский пролетариат, эти факты говорят нам, ты должен помочь им советизироваться. Вот та стадия, на которой нас застали события и на которой стала наша партия. Это было важнейшим переломом не только в политике советской России, но и в политике всемирной. До сих пор мы выступали, как единственная сила против всего мира империалистов, мечтая только о том, как бы уловить щелки между ними, чтобы противник не мог нас раздавить.

А теперь мы сказали: мы теперь покрепче стали, и на каждую вашу попытку наступления мы будем отвечать контрнаступлением, чтобы вы знали, что вы рискуете не только тем, что вы просадите несколько сот миллионов, которые вы просадили на Денича, Колчака и Деникина, но что вы рискуете тем, что при каждом вашем наступлении будет расширяться территория Советских Республик. Россия до сих пор была только объектом, над которым мудрили и судили, как лучше ее разделить между Деничем, Колчаком и Деникиным. А теперь Россия сказала: а мы посмотрим, кто сильнее в войне. Вот как теперь встал вопрос. Это — перемена всей политики, всей всемирной политики. Тут историку придется отметить, что это начало нового периода.

Каковы же были результаты этой политики? Конечно, главным результатом было то, что сейчас мы оказались потерпевшими громадное поражение. Чтобы перейти к этому поражению, я должен описать то, что этому предшествовало. Прежде всего насколько нам удалось прощупать штыком готовность Польши к социальной революции? Мы должны сказать, что готовность эта мала. Готовность эту нам удалось прощупать чрезвычайно мало. Прощупать штыком, — это значило получить прямой доступ к польскому батрачеству и к польскому промышленному пролетариату, поскольку он остался в Польше. Промышленный пролетариат оставался в Варшаве, в Лодзи, в Домбровицах, которые находятся от границы очень далеко. С другой стороны, чтобы действительно прощупать степень готовности к революции пролетариата Польши, в первую голову — промышленного и во вторую голову — батрацкого, — мы должны были очистить от польских буржуазных войск и занять не только район Варшавы, но и другие районы, где есть промышленный пролетариат. А эти районы начинаются еще

109

дальше, чем Варшава, которую занять не удалось. Поэтому прощупать готовность Польши к социалистической революции удалось чрезвычайно мало. Мы встретили большой национальный подъем мелкобуржуазных элементов, которые по мере нашего приближения к Варшаве приходили в ужас за свое национальное существование. Нам не удалось прощупать действительного настроения пролетарских масс и в батрачестве и в рядах промышленного пролетариата Польши. Зато развернулась такая картина в международной политике, которая представляет из себя нечто в высокой степени поучительное и которая явилась центром события. Подробнее во всех деталях одну сторону этой картины осветит тов. Каменев, который в Лондоне наблюдал отдельные ее пережитки. Нам не удалось прощупать степени подготовленности к социалистической революции пролетариата в Варшаве. Наше приближение к последней доказало, что Польша нас победить не может, а мы очень недалеко от этого. При этом оказалось, что все это в корне меняет международную политику. Подходя к Варшаве, мы подошли настолько близко к центру всемирной империалистической политики, что мы стали ее делать. Это звучит непонятно, но возникновение Комитета Действия в Англии доказало и доказало с абсолютной точностью, что где то около Варшавы находится не просто центр польского буржуазного правительства, центр польской капиталистической республики, а что где то около Варшавы лежит центр всей те-перешней системы международного империализма, и что создавшееся положение таково, что мы начинаем колебать эту систему и делаем политику не в Польше, но в Германии и Англии. Таким образом своим наступлением на Польшу мы создали в Германии и Англии совершенно новую полосу пролетарской революции против всемирного империализма, потому что Польша, как буфер между Россией и Германией, как последнее государство перед Советской Россией должна

была играть в руках международного империализма роль плотины против России. Она является опорой всего Версальского договора. Современный империалистический мир держится на Версальском договоре. Победив Германию, решив вопрос, которая из двух всемирных могущественных групп, английская или германская, будет распоряжаться судьбами мира на ближайшие годы, империалисты закрепили эту победу Версальским миром. У них нет другого акта, закрепляющего всемирные отношения, как политические так и экономические, кроме Версальского мира. Польна такой могучий элемент в этом Версальском мире, что, вырывая этот элемент, мы ломали весь Версальский мир. Мы ставили своей задачей занятие Варшавы. Задача изменилась, и оказалось, что решается не судьба Варшавы, а судьба Версальского договора. Так вопрос был поставлен во всей немецкой буржуазной, черносотенной и французской печати. Приближение наших войск к границе Восточной Пруссии, которая отделена корридорм Польши, выходящим дальше на Данциг, показало, что вся Германия закипела. Стали приходить известия, что десятки и сотни тысяч немецких коммунистов переходят нашу границу, полетели телеграммы об образовании немецких коммунистических полков. Приходилось принимать решения не публиковать эти известия и продолжать заявлять, что мы не ведем войны против Германии. Когда теперь приходят газеты, отнюдь не разделяющие взгляды большевиков и рисуют положение Восточной Пруссии, во время нашего наступления, получается чрезвычайно интересная картина, которая напоминает мне некоторые периоды русской революции 1905 года в Германии, как тогда у нас появился средний тип черносотенца-революционера.....

Тогда революция до 5-го года в России делала первые крупные шаги на пути к тому, чтобы вскопать, поднять самые многочисленные и в то же время самые отсталые элементы крестьянства. И эту работу нам

И.-

107

помогали делать черносотенные элементы, которые своей агитацией старались против нас поднять крестьянство. Тогда эту агитацию вели черносотенные пошлы и офицерство. И получалось так, что эти вновь возникающие черносотенные политические организации впервые объединяли крестьян, привлекали их к организации и эти поднятые, таким образом, крестьяне сегодня выступали с черносотенными требованиями, а на завтра — требовали всей земли от помещиков. И вот такая же штука получилась теперь в Германии. Я не захватил с собой корреспонденции, помещенной в одном германском антибольшевистском органе печати, (которую я, конечно, и не мог бы всю огласить за недостатком времени), в которой говорится, что вся Восточная Германия кипит, и все Капписты, т.е. те, которые стояли за Каппа-нашего Корнилова, все эти капписты сейчас за большевиков. И получается такая вещь, что когда говорят с неразвитым немецким парнем, который в политике ничего не понимает, то он колеблется и говорит, что придется вернуть Вильгельма, потому, что нет порядка, и в то же время тут же говорит противоположное, что надо идти за большевиками. Мы видим, что Восточная Германия кипит, образовывается какой-то противоестественный блок, во главе с генералами, с немецкими корниловцами, у которых, как людей военного склада единственный лозунг — война с Францией во что бы то ни стало: все равно с кем, и все равно в каких условиях. Эти немецкие офицеры — люди политически неграмотные, не знающие, что война влечет за собой определенные последствия — где им это понять: такому германскому офицеру надо 10 лет учиться в разных революциях, чтобы чему-нибудь научиться. И вот ими то владела идея войны с Францией во что бы то ни стало. Таким образом получилось, что мы имели силу, и значительную силу, против Антанты. В это время мы Керзону ответили: вы ссылаетесь на Лигу Наций, но что такое Лига Наций? Она плевка не

стоит. Еще вопрос, кто решит судьбу Польши: вопрос может решиться не тем, что скажет Лига Наций, а тем, что скажет красноармеец. Вот что мы ответили Керзону, если перевести нашу ноту на простой язык. И тогда в Германии это так и поняли и получился противоестественного характера блок, — блок, юторнй не был составлен по договору, не был нигде записан, проголосован, но блок, в котором кашповцы и корниловцы, вся масса патриотически настроенного элемента была вместе с большевиками. Вот такая проблема стояла тогда. И эту проблему не могли в то время решать немецкие коммунисты, не могли решать потому, что они сидели в то время здесь в Москве и решали примитивный вопрос о том, как создать элементы действительной коммунистической партии в Германии, — решали основной вопрос отношения к независимцам, у которых вожди были вроде нашего Мартова, а рабочие были большевистски настроены. Они были заняты решением этого всемирного вопроса, который сейчас возникает во всех странах. А в это время события в Германии перескочили все решения этих вопросов и наметился блок, последовательных и крайних патриотов и коммунистов, признающих сознательно блок с Советской Россией. Получался блок такой, что во всемирной политике существуют только две силы: одна — Лига Наций, которая дала Версальский договор, а другая — Сов.Республика, которая этот Версальский договор подорвала. И противоестественный блок Германии был за нас... Тут оказался гигантский факт международной политики, которую я наблюдал по частям не раз и на которой мне приходилось останавливаться, когда я подводил итоги кампаниям Юденича, Колчака, Деникина и говорил об условиях заключения мира с Эстонией, Грузией и Латвией. Оказалось, что мы не только победили Колчака, Деникина и завоевали русское зажиточное крестьянство, антикоммунистическое, которое, между прочим, решило Судьбу Колчака и Деникина, но в международном масштабе мы завоевали мелкую и крупную буржуазию маленьких

18
18 - 105

стран, формально независимых, но задавленных Антантой. Это было решающим для заключения Эстонией мира с нами первой страны, заключавшей с нами мир. Она целиком буржуазная, она целиком в кармане английских и американских миллиардеров, она вся целиком была против мира с нами, и она с нами заключила мир: так солоно ей показался международный империализм.

В Германии коммунисты остались со своими лозунгами. Когда немецкие левые договорились до такой нелепости, что не нужно гражданской войны, а напротив, нужна общенародная война против Франции, — это была неслыханная глупость. Так ставить вопрос, — это граничило с изменой. Без гражданской войны советскую власть в Германии не получишь. Если же заключить блок с немецкими корниловцами, они тебя надуют. В Германии — слабая маленькая коммунистическая партия, и сильная партия шейдемановцев, правых меньшевиков, — громадная пролетарская партия, во главе которой стоят наши Мартов⁶ Политика между двух стульев. И первым результатом было то, что ряд мелких государств присоединился к нам, несмотря на всю свою ненависть к большевикам, наряду с расправами по отношению к своим большевикам, — эстонским, финским, латвийским, — они должны были заключать мир с нами, и говорили, что в международном отношении мы маленькие страны, ближе к Советской большевистской России. Мы на деле доказали, что для Германии, где настроение масс, самих неразвитых и черносотенных, которые способны говорить: лучше Вильгельм что в международном отношении другой силы для Германии, кроме советской России, нет. Национальные пожелания Германии состоят из двух величин, не различить которые политически, значит сделать громадную ошибку. Одно — это сбросить Версальский договор, который их душит. С другой стороны, немецкие империалисты, которые присоединялись к этому, говорили: мы не только хотим сбросить Версальский договор. На самом деле они желали восстановления империалист

ской Германии. Мы прощупали международное положение, не только по отношению к маленьким странам, но и по отношению к Германии. В моей речи, которую я держал в Петрограде при открытии съезда Коминтерна, мне пришлось говорить о международном положении и я говорил, что населения на земле сейчас до $3\frac{1}{4}$ миллиардов, из них 3 миллиарда в колониях, и три четверти миллиарда в тех странах, которые побеждены, значит в колониях 70%. Я говорил, что даже при таком грубом определении, если возьмем политику мировую, то $\frac{7}{10}$ населения земли будет то, которое при правильной политике будет стоять за Советскую Россию. Тут могут спросить, как они могут стоять за Советскую Россию, когда они не коммунисты? А как же стояли за одно с нами Эстония и Грузия, хотя там расстреливают коммунистов? Нашей международной политикой мы теперь доказали, что мы имеем союз всех стран, живущих под Версальским договором, а это 70 процентов всего населения земли.

Если в Германии ограничились только тем, что только трепетали и ожидали, то в Англии положение сложилось иное. В Англии Керзон предъявил нам ультиматум, — либо отойти, либо мы воюем. Они привыкли считать, что они, подписавшие Версальский мир, могут распоряжаться всем миром. Когда мы ответили на это, что мы Лиги Наций не признаем, то французские газеты характеризовали наш ответ как: "дерзкий ответ" — выражение из терминологии школьной комнаты, где учитель говорит ребятам, что вы ведете себя дерзко. Но в мировой политике такими терминами выражаться нельзя. Факт тот, что Лига Наций, как таковая, себя не показала. Оказалось, что для того, чтобы воевать с нами, надо прежде спросить английского рабочего. В результате нашего заявления оказалось, что английский пролетариат поднялся на совершенно новую революционную ступень. Стоя под Варшавой и не умея эту Варшаву взять и прощупать, какова готовность

польского рабочего к революционному действию, мы прощупали английских рабочих и подняли их на новую ступень революционного действия. Когда нам был предъявлен ультиматум, то английские рабочие, 9/10 из которых меньшевики, самые злостные, ответили на это образованием Комитета Действия. Английская пресса забеспокоилась, закричала, что это двоевластие, и она была права. Англия оказалась в той стадии в политическом отношении, на какой Россия была после февраля 1917 года: наряду с правительством были Советы, которые входили в согласительную комиссию и фактически каждый шаг правительства проверяли. Тогда буржуазия всего мира говорила, что так существовать нельзя. И вот теперь в Англии оказался Совет Действия и этот Совет Действия помешал войне Англии против нас. Ничего из тех угроз, которые нам лорд Керзон предъявлял, осуществить не удалось и рабочее движение Англии поднялось на невероятно высокую ступень.

Комитет Действия создан, как орган всей рабочей массы, как политический центр, который стал рядом с буржуазным и который не идет согласованно с ней. Во главе этого Комитета Действия стоят яркие меньшевики и яркие правые эсеры, те люди, которых мы в свое время погналы. Нам нужен был 2-й съезд Коминтерна в Москве, где съехались представители всех стран, — только теперь издан полный текст резолюций, где эта политика принята в международном масштабе. И какое получилось соотношение? Говорят, что мы предложили условия неслыханные. Благодаря им теперь начался раскол между большевиками и меньшевиками во всех без исключения странах мира. В то время когда мы при помощи Коминтерна сделали то, что в десятки лет не могли сделать и в условиях полного раскола с международным империализмом, в то же самое время в Англии меньшевики и большевики соединялись в Комитет Действия. Нам мучительно приходилось разрешать задачи непомерной трудности. Прогресс рабочего движения

стоит того, чтобы идейно расколоться с меньшевиками и чтобы в то же время действовать вместе с ними в Совете Действия. На первый взгляд это кажется противоречием и оппортунизмом, но мы говорим: вам придется проделать сызнова русскую революцию в основных чертах. Комитет Действия в Англии совершенно не похож на наш ВЦИК тех времен, когда в нем решали дела Гоц, Дан и пр. Но это есть объединение всех рабочих без различия партий — меньшевиков, большевиков. Такое объединение, которое конкурирует с буржуазным правительством, в котором меньшевики вынуждены выступать, как большевики. Мы понимаем, что министерство 14 года, которое выпустили меньшевики и с.-р. первого созыва, говорило, что война империалистическая война, давайте защищать меньшинство. Они запутались, а массу подвели к нам и таким образом Плеханов был прав.

Они говорят, мы за конституционную демократию, а вы за демократию частичную. Есть еще комитет действия. Но это крайний случай. Это вещь, которую нам пришлось читать, потому, что это отношение самой империалистической страны необычайно прочными традициями меньшевизма. Если у нас меньшевизм насчитывает историю в течение 15-20 лет, то там все профорганизации сплошь с демократической системой, во главе которой стоят меньшевики. Она была вся разрушена английскими меньшевиками и им пришлось поступать по методу диктатуры пролетариата.

Мы получили возможность сказать английским, французским рабочим, что мы должны их научить быть коммунистами. Коминтерн научил их этому. Английская политика начинает учить французскую. Вместе с тем вы должны научиться на почве массовых организаций блокироваться с английскими большевиками, когда они вынуждены выступать конституционно, чтобы английская масса научилась этому на деле. Мы в России самостоятельно переживали сколько раз... нам трудно было решить. И мы в России сами мучительно переживали то же самое,

сколько раз нужно было, чтобы меньшевики и с.-р. надули русских рабочих, чтобы последние перестали им верить. Они надували русских рабочих до февральской революции, надували от мая до июльского наступления, надували еще много раз, и, наконец, к октябрю русский рабочий созрел настолько, что не позволил себя больше надувать. Сколько раз английским меньшевикам удастся надувать английских рабочих, этого ни в какой книжке не написано и написать нельзя. Это будет видно. Но английские большевики должны уметь все время стоять вместе с массами, просвещать их, указывать, говорить им: вот вас опять надувают, вот вас еще раз надули. И в процессе теперешних событий в Англии мы видим, и тов. Каменев ^{так} резюмирует свои впечатления, что английские меньшевики уже чувствуют себя как правительство, они знают, что буржуазному правительству в Англии не усидеть, что оно будет свергнуто. Они видят перед собою правительственные посты, — милости просим, но и вы с этих правительственных постов слетите также, как слетело ваше буржуазное правительство и следите так, что уже больше на него не взберетесь.

Вот итог нашей международной политики и складывающихся отношений в Западной Европе.

А теперь я должен перейти к главному и печальному, что из этого итога теперь получилось. Нас на фронте отбросили так, что мы отлетели настолько, что бои идут под Гродно, и поляки подходят к линии, относительно которой раньше Пилсудский хвастал, что он придет от нее к Москве. Хотя это и осталось только хвастовством. Нужно сказать, что несмотря на то, что нас отбросили, наши войска все-таки проделали чудеса: их откинули на сотни верст к востоку ~~и~~ но до того места, на котором мы предлагали раньше мириться Пилсудскому, их не откинули. И теперь Пилсудский пойдет на мир

при худших для него и лучших для нас, чем наше первое предложение, условиях. Но все-таки мы потерпели огромное поражение, колоссальная армия в 100.000 человек или в плену, или в Германии. Одним словом, гигантское, неслыханное поражение.

Что же это значит? Это значит, что несомненно была допущена ошибка; ведь мы имели в руках победу, и мы ее опустили. Значит была ошибка. Перед каждым этот вопрос вставал, и мы в ЦК искали ответа: в чем ошибка, где она. Ошибка явно должна быть или в политике или в стратегии войны. Но вы знаете, что стратегия и политика неразделимо связаны. Нам во время гражданской войны в Политбюро приходилось решать чисто стратегические вопросы, настолько чисто стратегические вопросы, что мы смотрели иной раз друг на друга с улыбкой: как же так мы превратились в стратегов, хотя среди нас были даже люди, которые издали войны не видели? Но несмотря на это, приходилось заниматься стратегией, потому, что стратегия подчинена политике и одно с другим связано неразрывно. Теперь как в эпоху Юденического и Деникинского наступления, не раз нам приходилось решать чисто стратегические вопросы и нас уже не удивляло это. Надо помнить, что всякая стратегия — ни что иное, как политика.

Где же теперь искать ошибку? Возможна ошибка политическая, возможна и стратегическая. Отнюдь не претендую ни малейшим образом что знаю военную науку, поэтому заранее извиняюсь перед товарищами, которые знают эту науку теоретически и практически. Я буду разбирать с точки зрения, где искать, возможную ошибку политическую или стратегическую.

ЦК вопрос этот разбирал и оставил его открытым. Для того, чтобы исследовать этот вопрос, для того, чтобы решить его надлежащим образом, мы должны бы отдать на это большие силы, которых у нас

нет, потому что нас целиком захватывает будущее, поэтому мы решили: пусть относительно прошлого решают историки, пусть они потом разберутся в этом вопросе. К тому мы пришли. Ошибка либо в политике, либо в стратегии, либо там и тут. Возможна ошибка в ответе на ноту Керзона, 12.IV, когда мы сказали, просто, наплевать на Лигу Наций, идем вперед.

Само собой разумеется, мы определяли при неправильном определении. От революционеров, находящихся в условиях трудной политики, привыкших победоносно решать вопросы, в момент, когда есть неслыханный героизм и подъем масс, требуется правильное определение. Мы, решая этот вопрос, предопределяли общую наступательную линию. В основе эта линия была, — мы убеждены в этом, — верна. В основе она была верна и действительно совпала с новым периодом всемирной истории, когда Россия, бывшая до сих пор объектом решения задачи — Юденич или Колчак ее скушают и чем закусят, — теперь определяла внутреннюю политику Англии. И вот тут может быть следовало бы ответить иначе. Мы говорили, что в основе принимаем предложение Керзона, но будем торговаться. И мы торговались на основе нашего решения до тех пор, пока Каменеву не пришлось, по независящим обстоятельствам, поторговаться так что должен из Англии уехать. Зато мы получили помощь Комитета Действия, так что в конце концов выиграл Каменев, а не Ллойд Джордж. Может быть, мы должны были бы ответить так: принимаем в основу, что остановимся на расстоянии 50 верст от этнографической границы, или на той границе, которую вы предлагаете: Это определяется условиями военных фронтов. Получая Восточную Галицию, мы имели бы базу против всех соседних государств. При таких условиях мы установились в соседство с Прикарпатской Русью, которая кипит больше чем Германия, и является прямым корридором в Венгрию, где небольшого толчка достаточно для того, чтобы

вспыхнула революция. В то же время мы сохраняли в международном масштабе ореол страны, которая непобедима и является великой державой. Это большая похвала. Но тут вырисовывалась другая сторона. Мы тогда не получили бы того кипения, которое имело место при нашем продвижении, наверное мы не получили бы Комитета Действия, мы не получили бы перехода всей английской политики пролетарской и буржуазной в новую стадию. Зато мы выигрывали прочную, твердую спокойную базу для операций против срединной Европы через намеченные границы. Возможно, повторяю, что мы совершили политическую ошибку, за которую отвечает ЦК вообще и за которую каждый из нас берет на себя ответственность. Возможно, что это является основной ошибкой ЦК. Стратегия подчинена политике. Возможно и другое объяснение, которое состоит в том, что поскольку ЦК определял линию политики, постольку он определил поведение всех советских органов, постольку он определил рамки, за которые наше командование выходить не могло. Вы дали задание помочь советизации Польши, перейти этнографическую границу и держать границу с Германией, от того места, где мы стояли, от Белостока. Могла ли развернуться стратегия, видоизменяющая свои стратегические условия и задачи. Возможно рассуждать так, что стратеги должны точно приводить в исполнение решение задачи. Одно дело — разговоры, мотивы, настроения, а другое дело — решения. Разговаривать можно, но если ты не проведешь решения, тебя выгонят или в тюрьму посадят.

Без этого сознания необходимости проводить решения, мы давно бы все рассыпались. Тут стратегия могла бы дать понять и сказать: а наступать то у нас не хватит силы и пройдя 50 или 100 верст. Остановившись на этнографической границе Польши, мы имели бы верную обеспеченную победу. Если бы мы тогда остановились, мы имели бы теперь уже наверняка мир, абсолютно победоносный, сохранив все

своей ореол, и все воздействие на международную политику. Возможно, что стратегическая ошибка была. Вот в каких пределах, в каких основных линиях естественно вращалась у нас мысль при обсуждении в Центральном Комитете вопроса о том, была ли совершена ошибка. Вы увидите, почему в Центральном Комитете возобладало мнение, что ошибки не было. Комиссию по изучению условий наступления и отступления мы создавать не будем. У нас нет на то сил, чтобы изучить этот вопрос. У нас сейчас на очереди ряд других вопросов, которые требуют немедленного решения. Мы ни одной, даже второклассной силы, на это дать не можем. И нам надо решать другие вопросы, самые сложные вопросы политики и стратегии, ибо мы помним, как мы добивали Деникина, гнали его к Донецкому району и не сумев чуточку добить его, докатились обратно до Орла. Мы видели как мы воевали с Колчаком, когда мы его догнали до Уфы, и когда он потом потянул нас обратно до Самары, то в это время вся европейская печать назначила новые сроки падения Москвы и Петрограда. Я вчера видел одно американское издание, в котором некоторые люди собрали полные сведения о том, что писали лучшие американские газеты про Россию, за время гражданской войны. Лучшей агитации в пользу большевиков нельзя себе представить. Они изучают, сколько раз началось падение Москвы и Петрограда. Эта маленькая брошюрка состоит из перечислений того, что американские газеты говорили за время от октября 17 года и до 20 года и в двух словах о том, что из этого вышло.

Лучшего доказательства наших успехов, чем эта краткая история наших наступлений нет, и мы постараемся издать эту книжку по-русски. Вы помните про нашу Красную Армию (после ста пятидесяти вер поражений), как она добила Колчака. Она делала невозможное. Как мне рассказывал товарищ из Красной Армии, перед этой остановкой

за пятьдесят верст под Челябинском, когда она пришла в состояние негодности, товарищ Смирнов говорил, посмотрите на русского солдата, если бы мы не пошли вперед, мы мобилизовали новых. При отчаянном положении в смысле обуви, переход был невозможен, это проделывали герои, которые могут делать чудеса. Красноармеец начал делать чудеса. Он прошел 300 верст. Дойдет ли он еще 100 верст, или нужно остановить армию, не делая этих ¹⁰⁰ верст, потому, что он дальше не дойдет, — это стратегическая задача, неслыханной трудности. Вы видели, что мы пережили с Колчаком, вы видите те элементы, задачи, из которых ЦК выносил свое заключение. Сам ЦК волнуется непомерно тем, что мы сделали ошибку и потерпели поражение. Но исправлять эту ошибку, назначая комиссию, мы не беремся. Нам надо решать вопросы текущей политики, — перед нами переговоры в Риге, перед нами наступление в Гродно, а Брангель взял Александровск и наступает на Екатеринослав. Надо напрячь все силы, пережить этот вопрос и хорошо было бы каждую силу удвоить. Этим вопросом занялись мы и им я должен занять ваше внимание. Ясно, что как польское наступление, так и Брангелевское, — это одно наступление Антанты. Она все ставит на карту. Сегодня пришло письмо от одного товарища, действующего в Англии, который говорит, что настроение там меняется, что вчера немецкие корниловцы были за большевиков, теперь — за Антанту. Но мы видели повороты и более крупные. Мы должны считаться с тем, какие условия теперь. По всей вероятности, зимняя кампания предрешена. Целый ряд признаков указывает, на что рассчитывает Польша и империалисты Антанты. Французы ставят ставку на Брангеля и говорят полякам: будьте уверены, если вы получите от большевиков такую границу, которая бы проходила не дальше Варшавы, ваше дело погибло. За нас стоит Брангель, а мы твои единственные друзья. Политика не слишком важная. Однако не так-то просто привес-

ти эти три элемента — французов, поляков и Врангеля к единому действию, оказывается, что даже почти невозможно соединить эти три правительства, три силы против большевиков. Казалось бы это легко сделать, потому что большевиков все ненавидят. Можно себе представить, что Пилсудский, Врангель и французские империалисты готовы отдать все силы, лишь бы подавить большевиков. Все трое провозглашают священную войну против большевиков и не могут ничего сделать, хотя бы они были в десять раз умнее или взяли себе в советчики в десятки раз более умных людей. Теперь, с одной стороны, французы употребляют все усилия, чтобы поддержать Врангеля, и он одерживает успехи. Ему посылаются подкрепления. С другой стороны французы должны держать фронт польский и говорить: подождите, не заключайте мира.

Польша мелкобуржуазная, патристическая и шовинистическая, представители партии ППС, партия помещиков и людская, партия зажиточных крестьян, кулаков, — все они говорят, мы предпочитаем мир, потому, что война несет разорение.

У Польши еще перед войной, положение было критическим и ее представители говорили, что они выйдут из войны совершенно разоренными в финансовом отношении. Это правильно, потому, что они прекрасно знают, что за эту войну придется платить, что Франция признает "священную частную собственность". Снова уже есть сообщение, что 60 пароходов проследовали опять к Польше. Не думаю, чтобы они с помощью этих 60 пароходов укрепили свое положение. Здесь польский товарищ, делавший нам доклад, сказал, что у поляков изменился социальный состав армии. Это замечание прошло, быть может, незамеченно, но я его отмечаю, потому что в этом вся суть. Если мы победили Колчака, Деникина, то мы их победили только потому, что у них изменился социальный состав армии. И Врангель сейчас чувствует себя твердо, только потому, что у него состав армии однородный,

офицерский. И он сам знает, что если он станет опираться на массы, он слетит также быстро, как в свое время слетели Колчак и Деникин.

Поляки наступали на нас с армией, первоначально состоявшей исключительно из молодежи, которую целиком можно было обработать, а теперь уже они взяли те возрасты, которые прошли войну гораздо более жестокую, теперь у них армия, которая состоит не из мальчиков, а уже из взрослых людей, которых нельзя научить чему угодно. Поляки сейчас перешли ту грань, которую перешли в свое время Колчак и Деникин, — грань, в которой была сначала максимальная победа и грань, в которой обеспечено максимальное поражение. Вот какие условия сейчас в Польше, и при таких условиях мы все-таки говорим; что нам надо избежать зимней кампании, потому что для нас десятки тысяч жизней русских рабочих и крестьян гораздо ценнее всего остального. Мы великолепно понимаем, что ставка поставлена большая, что мы сильны, что беря Галицию, где советский строй обеспечен, Галицию, которая соприкасается с Чехо-Словакией и Венгрией, где уже кипит, мы этим самым раскрываем прямую дорогу революции. Из-за этого стоит повоевать, пренебрегать таким фактом нельзя. Но и в то же время мы сознаем, что зимняя кампания потребует много жизней, и мы говорим поэтому, мы должны зимней кампании избежать. Шансы на это не велики, потому что Брангель и Польша, как они ни ругаются, у них все-таки один международный фронт. Но здесь мы пойдем на перевес, как это мы делали всегда, мы пойдем на перевес всем прежним международным обычаям. Мы хорошо знаем, что нас не поверят международные хищники, но есть тот и другой, который нам всегда поверит и мы станем резать ^{на} прямой. И мы предлагаем от имени сессии ВЦИК сказать, что зимней кампании мы не хотим. Угодно подписать мир в 10 дней, тогда мы отказываемся от Галиции и предлагаем границу значительно восточнее линии Керзона. Как для

нас ни тяжелы эти уступки, но нам важнее избежать зимней кампании, нам важнее, что мы укрепимся в области мирного строительства. Но непременным нашим условием является, чтобы мир был подписан в 10 дней. Для того, чтобы это сделать, надо, чтобы ваша мелкая буржуазия, патристически настроенная и рабочие победили вашу буржуазию и помещиков, а это возможно потому что они сильны, ^(потому) что крестьянство всегда было патристическими лакеями, это неизбежно в силу экономического, в силу неизбежной частной собственности, это неизбежно и в политическом отношении, но во всяком случае шанс есть и во всяком случае частное совещание этих партий, уже имело место с нами. Представители этих партий говорили, мы знаем, что Варшаву и Польшу спасла не Антанта, — она не могла нас спасти ее спас патристический подъем, а эти уроки не забываются. Этот шанс мы и хотим использовать. Мы делаем громадные уступки назначаем короткий срок, чтобы решить вопрос о зимней кампании. Зимней кампании мы хотим избежать, поэтому мы предлагаем полякам заключить мир сейчас же и предлагаем линию восточнее Брест-Литовска. Мы выиграем в военном отношении, в том смысле, что обеспечим себе тем самым быструю победу над Брангелем. Это выигрыш достаточный.

По отношению к политике западно-европейской мы должны от первой попытки активной политики вернуться к последствиям ее. Последствия не так страшны. Последствия военные отнюдь не совпадают с последствиями ее для Коммунистического Интернационала. Под шумок войны Коминтерн выковал оружие и отточил его так, что господа империалисты его не сломают. Развитие всех партий идет пока в направлении, начертанном постановлениями Коминтерна. Без всякого преувеличения можно сказать, что на этот счет мы можем быть спокойны. Дело сводится к темпу развития, к условиям развития.

Мы не в состоянии были одержать решающей военной победы, которая разбила бы Версальский мир. Мы имели бы перед собой разорванный Версальский договор, всемирного торжествующего империализма, но мы этого сделать оказались не в силах. Основная политика наша осталась та же. Мы пользуемся всякой возможностью перейти от обороны к наступлению. Мы уже надорвали Версальский договор и дорвем его при первом удобном случае. Сейчас же для того, чтобы избежать зимней кампании, надо идти на уступки.

У меня сейчас нет под руками текста декларации, который предлагается партийной конференцией для утверждения и направления в сессию ВЦИК. Я изложил ее политическое содержание. Для того, чтобы избежать зимней кампании, мы назначаем полякам краткий 10-дневный срок, шансы у нас не велики, но мы выигрываем в обоих случаях. Мы показали нашей армии, что для избавления ее от трудностей зимней кампании мы сделали все. Для нас вопрос о территориальных границах — двадцатитепенный вопрос, по сравнению с вопросом о скорейшем окончании войны. Мы предложили условия, и как ни трудна будет зимняя кампания, которую нам могут навязать, вопреки нашему мирному предложению, мы все-таки ее кончим победоносно. Я перешел границы положенного мне времени и сейчас очень коротко подойду к внутреннему положению. Мы кончим зимнюю кампанию победоносно, несмотря на громадную усталость. Мы успехи одержали большие, и мы становимся на такую почву, когда с точки зрения экономической ясно, что база, основа, фундамент получается, если мы возьмем хлеб. С 1917 — 1918 гг. было заготовлено по 30 миллионов пудов, на следующий год — 110 миллионов. Теперь у нас свыше трехсот миллионов пудов хлеба, а может быть, и до 360 миллионов пудов. Значит в месяц мы имеем от 25 до 30 миллионов пудов. Эти цифры превышают те

голодные цифры, в которых мы бились в первые самые голодные годы. Это — база, располагая которой, мы не будем с таким ужасом смотреть на цветные бумажки, на те миллионы, сотни миллионов, миллиарды о выпуске которых приходится каждый день подписывать постановления и которые показывают, что эта база — игрушка, что она разорвана, что это остатки, обрывки совершенно старой буржуазной одежды.

А когда в руках государства 260 миллионов пудов хлеба имеется, которые оно взяло за год от крестьянства по разверстке (и как определенное условие промышленных требований), то мы можем сказать, что у нас есть база строительства и когда мы совершенно свободно решим задачу правильного распределения. Наше экономическое положение значительно улучшилось. Мы знаем, что у нас есть больше 100 миллионов пудов нефти. Мы знаем также, что у нас есть от 20 до 30 миллионов пудов угля в Донецком бассейне. Мы знаем также, что у нас улучшилось также и дело с дровами, в прошлом году мы должны были обходиться, т.к. у нас не было ни угля, ни нефти. Это показывает, что несмотря на неслыханные потери, невероятную усталость, нервное истощение, на бюрократизацию, несмотря на ухудшение всего партийного аппарата, несмотря на все это и на трудности предстоящей зимней кампании — основную экономическую базу мы продолжаем себе обеспечивать и обеспечим. У нас основной хлеб, хлеб для людей и хлеб для промышленности, т.е. топливо есть, в гораздо большем количестве, чем в прошлом году. И вот почему учитывая то тяжелое положение, которое мы пережили, мы говорим, что если мы еще раз напряжем и сплотим силы для зимней кампании, то мы уверены — одержим победу.

Теперь я должен коснуться вопроса о концессиях. О концессиях мы говорили много. Мы спорили, допустимы ли они принципиально. Мы пришли к мнению, что они допустимы, если их правильно обставить.

Конечно мы дадим империалистам только то, чего не можем выработать сами. В Англии наши товарищи заключили договор о концессиях на 10 тысяч десятин леса. В северном архангельском районе мы это дело не организуем сами и поэтому концессия нам абсолютно выгодна. Нам предложен выкуп через 15 лет. Это срок совершенно приемлемый. Бояться концессий не следует, — это есть гигантский плюс.

Я недавно читал книжку американского социал-шовиниста Спирда, настоящего нашего Алексинского, который пишет, что если мы заключим концессию с буржуазией, это будет означать явный крах нашей системы. Нападки подобного рода американских Алексинских совершенно не существенны, и мы должны относиться к этим нападкам совершенно спокойно, ибо всякий разумный рабочий сознает, что правы мы. Мы стремимся помочь России осуществить коммунистический строй, но исключительно русскими силами обойтись не можем. Мы говорим, что революция может быть создана только совместными усилиями передовых рабочих передовых стран... На этот счет не было никогда тени сомнения ни у одного сознательного коммуниста. Тот переходный период, когда одна сторона слабая, держится против всех остальных сторон, этот период будет периодом сложных запутанных отношений. Но мы можем быть спокойны, что запутаемся не мы, а запутаются другие, ибо мы уже на деле доказали, какова наша политика по отношению к малым державам. Тогда, конечно, мы будем существовать, как разоренная империалистической войной социалистическая республика, имеющая невероятные богатства, которые мы в 10-15 лет разработать не сможем. Привлечь к разработке этих богатств иностранный капитал, платить только тем за то, что мы не можем сами их добыть, догнать нашими богатствами, — это значит обеспечить основу мирных отношений. Англия прогнала представителей нашей профессиональной организации, поссорилась с Каменевым, выслала его. Это не так страшно. И в то же время подписан договор относительно доставки нами милли

на шпал. На этих условиях бороться мы не способны. У нас есть шпалы, которые мы не в состоянии сами сделать, есть леса, которые мы не в состоянии использовать, а вы можете. Возьмите у нас леса на окраине, которые мы не в состоянии использовать, но получая от нас концессии, вы создадите основу мира, политического и экономического. Наступать вы не можете, потому, что всякая попытка наступления означает возникновение Комитета Действия в любой стране. Коминтерн имеет десятки связей и агентов в каждой стране. В Москву приезжают представители разных стран. Мы стоим независимо от всех остальных условий развития.

Это оружие принципиально допустимо, хотя оно обоюдно остро. И мало того, что мы убедились в его принципиальной допустимости, но и фактически мы научились управлять им. Американские политики пишут невероятно длинные ноты, в которых обвиняют нас в том, что мы плохие демократы. А известный американский миллиардер приезжает и говорит: давайте по рукам...

От этого мы наверно выиграем. Нам при теперешнем международном положении придется ограничиться оборонительной позицией по отношению к Антанте, но несмотря на полную неудачу первого случая несмотря на наше первое поражение, мы еще раз и еще раз перейдем от оборонительной политики к наступательной, пока мы всех не разобьем до конца...

СВЕРЕНО: научный сотрудник
Центрального Партийного
Архива ИМЛ

